

ЧЕРНЯХОВСКАЯ Л. А.

СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА И ЕЕ ЕДИНИЦЫ

Под текстом мы будем понимать такую упорядоченную и письменно зафиксированную совокупность языковых знаков, которая вместе с заголовком образует законченное и литературно обработанное речевое произведение¹. Под смыслом текста понимается психическое отображение сегмента реальности, образуемое в сознании индивида в результате взаимодействия текста с фоновым знанием индивида. Предлагается различать три уровня смысла текста. П е р в ы й у р о в е н ь с м ы с л а — психическое отображение сегмента реальности в сознании отправителя (далее О) в процессе переноса отображения в текст. С одной стороны, смысл порождаемого текста существует для О как его субъективное переживание, когда для его выражения еще только подбирается соответствующий набор знаков. С другой стороны, это субъективное переживание опосредовано социальным опытом О и социальностью языка. В т о р о й у р о в е н ь с м ы с л а — это смысл уже созданного текста, когда субъективное переживание О перенесено в вербальную форму линейной цепочки знаков и смысл получил независимое от О существование как заложенное в текст потенциальное психическое переживание некоего получателя (далее П). На этом уровне смысл полностью объективизирован языковыми средствами и не зависит от субъективного уровня фонового знания О или П текста. Такое объективное состояние смысла, потенциально содержащегося в тексте, рассматривается здесь как содержание текста, ориентированное на некий усредненный уровень знания потенциального П.

Т р е т ь и й у р о в е н ь с м ы с л а — психическое отображение сегмента реальности в сознании П, образованное в результате взаимодействия текста с фоновым знанием П. Оно является субъективным переживанием П, аналогичным переживанию О, перенесенному в текст, но не идентичным ему, т. е. оно зависит от уровня фонового знания П и некоторых его индивидуальных психических особенностей.

Ввиду того, что психическое переживание — субъективно, анализу подвергается смысл текста на его втором уровне, т. е. исследуется «содержание» текста. Оно рассматривается как потенциальное психическое переживание, продуцируемое текстом при его восприятии П с некоторым усредненным уровнем фонового знания (индивидуальные психические особенности восприятия текста при этом игнорируются).

Существенную часть смысла текста составляет информация, заложенная в текст О. Под информацией здесь имеется в виду идеальный продукт отражательного процесса, понимаемого как процесс активного взаимодействия социально развитого мозга и окружающей среды [2].

Информация рассматривается как превращенная форма мира, перенесенная на новый субстрат [3].

Информация на биологическом субстрате индивида может иметь форму актуально идеального (психическое переживание в процессе познания или в процессе коммуникации). Информацию, хранящуюся в долговременной памяти как статическое неосознаваемое, можно рассматривать как потенциально идеальное. Информацию, перерабатываемую в сфере неосознаваемого, можно рассматривать как виртуально идеальное. Информацию, перенесенную во вторичную материальную систему как заложенное в нее потенциальное психическое переживание, можно рассматривать

¹ См. аналогичную трактовку термина «текст» у И. Р. Гальперина [1; там же см. литературу вопроса].

как потенциально идеальное на внешнематериальном субстрате. Информацию — энциклопедическое знание — можно рассматривать как потенциально идеальный продукт, имеющий двойственную сущность. С одной стороны, существуя на внешнематериальном субстрате как информация, перенесенная туда с биологического субстрата индивидов, составляющих общество, энциклопедическое знание — многократно превращенная форма мира — представляет собой социальное знание, продукт психической деятельности развивающегося общества. С другой стороны, это индивидуальное знание человека о мире, накапливаемое в процессе его личного социального опыта и существующее на его биологическом субстрате. Социальное и индивидуальное знание взаимно обогащают друг друга. Информация сегментирована в социальном знании на сегменты (понятия), содержащие обобщения относительно превращенной формы мира. Информация, составляющая понятие, рассматривается как его семантика.

Язык рассматривается как часть когнитивной информации, служащая для выражения, хранения, обмена знанием индивидов в обществе. Посредством языка (как и вся когнитивная информация, имеющая два субстрата существования — биологический и внешнематериальный) когнитивная информация переносится с одного субстрата на другой и приобретает форму существования то как потенциально, то как актуально идеального. Языковое знание противопоставляется когнитивному как специфический вид когнитивной информации, обобщенной, структурированной на дискретные единицы и упорядоченной в систему. Языковая информация представляет когнитивную информацию как набор знаков, соотносящихся с этими понятиями.

Относительно содержания порождаемого текста язык рассматривается как первичный идеальный продукт, служащий средством формирования нового для индивида идеального продукта, который является психическим переживанием *О* и который, формируясь языком, переносится на его внешнематериальный субстрат, образуя текст.

Отображение экстралингвистической ситуации, содержащееся в тексте, не изоморфно, а скорее гомоморфно этой ситуации, т. к. в отображении ее свойства воспроизводятся только частично. Отображения некоторых из них требует национальная специфика языка. Язык навязывает отображению обязательный в его пределах комплекс информации; другие свойства отображаемого отбираются непосредственно *О*. Их набор зависит от его коммуникативного намерения и создает индивидуальное своеобразие порождаемого индивидом текста. Комплекс информации, навязываемой тексту языком (комплекс языковых значений), исследован лингвистикой, выделяющей служащие этой цели грамматические, лексические, стилистические средства. Комплекс информации, передаваемый посредством языка (семантический комплекс, содержащий субъективно отобранные *О* свойства отображаемой реальности и его коммуникативное намерение), значительно труднее поддается исследованию, ибо его невозможно рассматривать помимо выражающих его лингвистических средств. Однако в смысл текста входят оба эти информационные комплекса², которые в совокупности образуют информационный инвариант смысла текста. Его извлекают из текста (понимание), передают с языка на язык (перевод), пересказывают (изложение), реферируют. Исходя из предположения, что информационный инвариант смысла текста имеет свою собственную структуру, не связанную непосредственно с языковыми структурами, через которые он манифестируется, был разработан специальный метод анализа текста, который позволил выявить структуру информационного инварианта его смысла.

² Трактовка смысла текста как совокупности лингвистической информации, содержащейся в упорядоченном наборе языковых знаков, и информации, непосредственно отображающей сегмент реальности, по-видимому, близка к тому, что у стоиков называлось «лектоном» — «бестелесный предмет осмысленного высказывания, не сводимый к физическим звукам, при помощи которых оно высказано... Ему свойственна своя имманентная истинность, не всегда соответствующая объективной истинности материальных вещей» [4].

Суть метода — в опоре на сетку денотатов, выделяемых в тексте предметными именами, и в привлечении к анализу информации из фонового знания некоего «усредненного» П. Этот метод дает возможность проследить тот момент, когда взаимодействие упорядоченного набора языковых знаков со знанием П продуцирует у П отображение сегмента реальности, т. е. момент, когда обобщенное значение знака превращается для П в единичное обозначение «предмета» реальности, т. е. приобретает для П смысл.

В основу методики анализа положен принцип опредмечивания познаваемой реальности языковыми номинациями, когда в отображаемых языком экстралингвистических ситуациях вычлняются их сегменты, а затем их отображением оперируют как номинациями, приписывая этим сегментам грамматическое значение предметности [так, любой факт реальности, получивший языковую номинацию, чисто грамматически можно рассматривать как своего рода «предмет»: «Он сломал ногу, и это (этот факт) помешало ему уехать» или: «Нога помешала ему уехать»].

В процессе анализа в качестве узловых единиц рассматриваются предметные имена в идентифицирующей функции³. В качестве простых предметных имен рассматриваются не только существительные и их субституты, но и атрибутивные словосочетания, в которых область значения предметного имени сужается сравнительно с областью значения того же имени без атрибута. Предметные имена, как бы ни была ограничена область их значения посредством атрибутов, сами по себе не соотносятся ни с какими «предметами» реальности и, следовательно, обладают только значением, но не смыслом.

При анализе предметных имен, включенных в текст в идентифицирующей функции, принимается во внимание не только значение этих имен, но и информация об именуемом «предмете», эксплицированная в пределах предыдущего контекста, а также информация, имплицитруемая контекстом, рассчитанная на определенный уровень знания П (точнее, на уровень социального знания в пределах культуры, носителя которой адресуется текст). Например, в текстовом отрезке: *В Москву он приехал утром «предмет» экстралингвистической реальности, именуемый Москва*, подразумевается известным для П, т. к. это имя собственное, независимо от контекста, для носителя русского языка почти всегда соотносится с определенным «предметом» реальности — столицей СССР. Такое соотнесение имплицитруется даже не контекстом, а уровнем знания потенциальных П этого текста. Следовательно, это имя, даже впервые включенное в контекст, продуцирует у потенциального П сегмент отображения реальности без дополнительной информации, необходимой обычно для соотнесения имени с именуемым «предметом» реальности. Однако большинство предметных имен приобретает смысл, т. е. соотносится с сегментом реальности и участвует в продуцировании его отображения, только при наличии в контексте всей необходимой информации о соотнесении этого имени с «предметом» реальности (она содержится либо в ближайшем окружении этого имени, либо в предыдущем контексте). Рассмотрим, например, следующий текстовый отрезок: *В ФРГ к столетнему юбилею известного немецкого физика Отто Гана были выпущены специальные серебряные монеты достоинством в пять марок*. В этом отрезке выделим номинативную группу *специальные серебряные монеты достоинством в пять марок*. Выделяем идентификатор: *специальные серебряные монеты* и классификатор *достоинством в пять марок*. Классификатор содержит два предметных имени, одно из которых — *пять марок* — в свою очередь внутри этой номинативной группы является классификатором, который характеризует по свойству идентификатор *достоинство*. Сочетание *пять марок* рассматривается вне контекста как простое предметное имя, область значения которого ограничена только числительным и которое может обозначать и количество монет, и количество почтовых марок. Уже в минимальном контексте словосочетания более высокого ранга *достоинством в пять марок* область значения предметного имени *пять марок* резко ограничивается, оно соотно-

³ О понятиях идентифицирующей и классифицирующей функций имен см. [5].

сится с денежной единицей. В предметном имени следующего, более высокого ранга *серебряные монеты достоинством в пять марок* сочетание *достоинством в пять марок* использовано в роли классификатора. В роли идентификатора здесь выступает сочетание *серебряная монета*, где атрибут *серебряная* сужает область значения слова *монета*. Через классификатор сочетание *серебряная монета* характеризуется по свойству, причем атрибут еще более сужает область значения этого предметного имени. Однако несмотря на иерархичность этого сочетания, оно остается предметным именем, пока не включается в контекст приведенного выше текстового отрезка. Именно в нем содержится информация, необходимая для соотнесения указанного предметного имени с «предметом» экстралингвистической реальности. Этот текстовый отрезок как бы «вводит» в текст «предмет», о котором дальше пойдет речь в тексте. Момент, когда предметное имя, независимо от степени сложности его внутренней иерархической организации, получает в тексте (и в совокупности со знанием П) всю необходимую информацию, позволяющую соотнести его с соответствующим «предметом» реальности, и есть момент превращения общего в единичное, обобщенного значения имени «для всех» в конкретный смысл для П. Это момент, когда потенциальное отображение сегмента реальности, заложенное О в текст, переносится, при взаимодействии со знанием П, на биологический субстрат сознания П, актуализуясь как его психическое переживание.

Анализ текста с помощью предлагаемого метода дал возможность обнаружить наличие в тексте информационных комплексов определенного и регулярного состава, которые можно рассматривать как строевые элементы информационного инварианта. Анализ текста с помощью предлагаемого метода показал, что при всем разнообразии содержания в любом тексте имеются информационные комплексы строго определенного состава, взаимосвязанные и иерархически входящие друг в друга. Эти комплексы не всегда полностью представлены в тексте, часть информации может содержаться в знании П, но в целом наличие этих комплексов является обязательным для адекватного восприятия текста, и они могут рассматриваться как строевые элементы информационного инварианта смысла любого текста, независимо от его конкретного содержания.

Как показал анализ содержательной структуры текстов, эта структура представляет собой нелинейное и недискретное образование, обладающее, однако, определенной иерархической структурой, в которой иерархически организованные сегменты отображения реальности связаны друг с другом различного вида связями. Выделено три типа таких сегментов, которые рассматриваются как типы строевых элементов смысла текста.

Нижний ярус иерархии образуют единицы, которые получили название элементарных смысловых единиц (ЭСЕ). Принято, что текстовый отрезок содержит ЭСЕ, если при взаимодействии с неким усредненным П он включает в себя следующий комплекс информации: имя «предмета», информацию о наличии в экстралингвистической реальности «предмета», называемого этим именем, иначе говоря — о свойстве существования «предмета» реальности (сема бытийности обычно содержится в глагольной форме); оценку степени реальности существования «предмета» относительно экстралингвистической ситуации (т. е. модальность содержится либо в глагольной форме, либо в отдельных модальных словах типа «если», «быть может», «вряд ли» и пр.), временные параметры (они могут содержаться как в глагольной форме, так и в отдельном члене предложения — обстоятельстве), пространственные параметры (обычно содержатся в обстоятельстве). Совокупность знаков в идентифицирующей и классифицирующей функциях, которая при взаимодействии с фоновым знанием П производит в его сознании ЭСЕ, будем называть предикатным выражением (ПВ). Информационные составляющие ЭСЕ не обязательно полностью представлены в текстовом отрезке, выделенном как ПВ. Информация о некоторых из этих информационных составляющих может содержаться либо в предыдущем контексте (включая заголовок), либо в фоновом знании П (нет соответствующего знания, нет и понимания). Например, текстовый «от-

резок» *Сегодня утром здесь шел дождь* содержит ПВ, информационные составляющие которого полностью представлены в тексте (при условии, что П знает, что означает *здесь*). Напротив, текстовый отрезок: «Ночь, Улица, Фонарь, Аптека. Бессмысленный и тусклый свет...» содержит только предметные имена, но каждое из предметных имен здесь представляет ПВ, а недостающие информационные компоненты «дописываются» П (приблизительно так: *Сейчас там, где я (автор) нахожусь, стоит ночь. Я нахожусь на улице. Там светит фонарь...* и пр.). Недостающая информация может содержаться в фоновом знании П, например, фраза *Вода кипит при 100° С*, даже взятая вне контекста, имеет смысл для П, но разный, в зависимости от уровня его знания, т. к. любой П, даже с самым низким уровнем фонового знания, понимает, что речь идет о воде на поверхности Земли, а не, скажем, в космосе. П с более высоким уровнем знания поймет также, что речь идет о воде на определенной высоте над уровнем моря (с понижением давления точка кипения воды понижается). Другими словами, чем выше уровень знания П, тем больше смысла содержит для него этот текстовый отрезок.

Соответственно ПВ, содержащее ЭСЕ, может представлять собой простое или придаточное предложение (развернутое ПВ), атрибутивное словосочетание (свернутое ПВ) или даже просто предметное имя (нулевое ПВ). Если же при взаимодействии текстового отрезка со знанием П отсутствует хотя бы один из компонентов описанного выше информационного комплекса, этот отрезок следует рассматривать как псевдопредикатное выражение, имеющее псевдосмысл. Так, предложение *Девочка гуляет*, взятое вне контекста, можно рассматривать только как псевдопредикатное выражение; если П неизвестны из контекста или ситуации пространственные параметры этого события, этот текстовый отрезок имеет для него только псевдосмысл.

Помимо указанных выше обязательных информационных составляющих, ПВ может содержать еще одну характеристику идентификатора («предмета») — не только по наличию свойства существования, но и по какому-либо другому свойству (или нескольким свойствам). Эта характеристика включает и субъективную оценку «предмета» О. Сюда включаются и случаи, когда имя-идентификатор имеет атрибут: вне контекста этот атрибут сужает область значения имени, а в контексте может рассматриваться как информация о свойстве идентификатора. Такую смысловую единицу мы рассматриваем как усложненную (УСЕ) первой степени усложненности. Так, сказочный зачин *Жил-был король...* рассматривается как ЭСЕ. Однако если идентификатор имеет атрибут, как в (1) *Жил-был храбрый и умный король...*, этот текстовый отрезок содержит УСЕ первой степени усложненности. Тот же сегмент реальности может быть отображен и в виде двух предложений: (2) *Жил-был король. Он был умен и храбр...* или в виде сложноподчиненного предложения: (3) *Жил-был король, который был умен и храбр...*, или в виде предложения с атрибутом в позиции: (4) *Жил-был король, умный и храбрый...* Однако в вариантах 2, 3, 4 содержится не одна, а две смысловые единицы. Первая из них (*Жил-был король*) представляет собой ЭСЕ, а вторая — УСЕ. Но эти УСЕ качественно отличаются от УСЕ первой степени усложненности, поскольку в их состав, помимо информации характеристики, в качестве одного из информационных компонентов входит ЭСЕ, представленная субститутом. В первом случае это *он*, во втором — *который*, а в третьем субститут имплицитируется. УСЕ, в состав которых в качестве информационных составляющих входит как минимум одна ЭСЕ, рассматриваются как УСЕ второй степени сложности.

Приведенные выше примеры (2, 3, 4) представляют собой УСЕ второй степени сложности. УСЕ, наряду с ЭСЕ, также могут в качестве информационных составляющих входить в состав более крупных смысловых единиц. Рассмотрим в качестве примера следующий текстовый отрезок: *Впервые за свою 540-летнюю историю аристократический колледж для мальчиков в английском городе Итоне нарушил традицию. Он принял на работу учительницу.*

Отрезок *аристократический колледж для мальчиков в английском городе Итоне* представляет собой УСЕ-1 второй степени сложности, т. к., во-первых, в его состав входит ЭСЕ *английский город Итон* (рассматривается как нулевое ПВ, т. к. все информационные параметры, соотносящиеся с «предметом» реальности, должны присутствовать в знании П, иначе не будет понимания), и, во-вторых, в нем содержится информация характеристики колледжа по его свойствам. Отрезок *свою 540-летнюю историю* рассматривается как УСЕ-2, т. к. в нем ЭСЕ представлена субститутом *свой*. В пределах первого предложения эти две УСЕ взаимно характеризуют друг друга, соответственно как локатор времени и как объект локации. Эта взаимная характеристика объединяет их в более крупную УСЕ следующего, более высокого ранга. В следующем предложении УСЕ-1 характеризуется по свойству. Предложение *Он принял на работу учительницу* не рассматривается как самостоятельная УСЕ, ибо в нем содержится уточнение свойства, названного в предыдущем предложении (уточняется, какая именно традиция нарушена).

Одной из особенностей УСЕ является их способность вводить новые ЭСЕ. Это происходит в том случае, если уточнитель свойства — предметное имя — далее в тексте либо повторяется, либо представляется субститутом. Так, в рассматриваемом выше примере уточнитель *учительница* далее в тексте представлен субститутом (подчеркнуто): *27-летняя Элиан Вожель преподает французский язык*, который рассматривается уже как ЭСЕ.

Поскольку весь текст представляет собой иерархию смысловых единиц, от элементарных до наиболее усложненных, необходимы критерии выделения в этом недискретном образовании более или менее стабильных УСЕ, которые можно было бы рассматривать в качестве опорных смысловых единиц. И прежде всего необходимо вычленив в тексте отрезки, содержащие такие единицы. С этой целью разработаны критерии деления текста на отрезки, содержащие УСЕ определенного уровня сложности, — УСЕ, содержащие как минимум одну ЭСЕ и содержащие информацию характеристики. Они могут содержать и несколько ЭСЕ и одну или несколько УСЕ разной степени сложности, но к ним предъявляются следующие смысловые ограничения. В УСЕ — опорной единице текста — должна сохраняться постоянность всех обязательных информационных составляющих (кроме характеристики по свойству, которая не является обязательным информационным компонентом УСЕ). Изменение параметра времени или места, изменение модальности свидетельствуют о начале новой УСЕ текста. Введение в текст нового «предмета» свидетельствует о том же. Так, отрезок *В некотором царстве жил король. Он был умен и храбр. У него было три дочери* рассматривается как отрезок, содержащий одну опорную УСЕ, т. к. в пределах этого отрезка вводится «предмет» реальности, именуемый предметным именем *король* (с указанием необходимых параметров, соотносящихся с «предметом»). Кроме того, этот «предмет» в пределах отрезка характеризуется по разным свойствам: имя представлено субститутами *у него, он*, однако пространственные, временные и модальные параметры в пределах этого отрезка остаются неизменными. Другой новый «предмет» в отрезке не вводится, т. к. предметное имя «три дочери» здесь используется в функции идентификатора. Если дальше идет отрезок текста типа: *Однажды король отправился на охоту*, то изменение временного параметра *однажды* свидетельствует о начале новой опорной УСЕ. Если дальше идет отрезок типа *Дочери очень любили отца*, вторичное упоминание имени *дочери* (или субститута, например, *они, девочки* и пр.) также свидетельствует о начале новой УСЕ, т. к. имя, выступавшее ранее в функции характеристики, здесь выполняет роль идентификатора, и П из предыдущего контекста имеет достаточно информации, чтобы соотнести это имя с соответствующим «предметом» экстралингвистической реальности.

Текстовый отрезок, содержащий такую опорную УСЕ, мы называем высказыванием. Поскольку критерии его выделения в тексте чисто смысловые, высказывание не имеет единой синтаксической формы. Оно может

представлять собой простое предложение, сложноподчиненное или сложносочиненное предложение, сверхфразовое единство, но может быть и частью предложения (придаточным), как например: *У короля было три дочери, которые его очень любили.* Здесь придаточное содержит самостоятельную УСЕ, т. к. *которые* — субститут имени *три дочери* из предыдущего предложения. Повторяясь в тексте в функции идентификатора, при наличии необходимой информации в знании П, это предметное имя соотносится для П с экстралингвистической ситуацией и обретает смысл, подвергаясь в этом текстовом отрезке характеристике по свойству (характеризатор *его очень любили* содержит ЭСЕ, представленную вместо предметного имени *король* субститутном *его*).

Если разбивать текст на высказывания по этим критериям, обнаруживается, что высказывание не всегда носит характер непрерывной линейности. Оно может быть вставленным в другое высказывание, которое по отношению к вставленному является рамочным⁴. Например: *Евгений Петрович перевел взгляд на Ларису. Она сидела на диване рядом с Нелли... Евгений Петрович чувствовал себя усталым...* В этом текстовом отрезке по указанным выше критериям выделяется два высказывания: рамочное *Евгений Петрович перевел взгляд на Ларису...* *Евгений Петрович чувствовал себя усталым*, где «предмет», именуемый *Евгений Петрович*, характеризуется по разным свойствам — в первом предложении по внешнему отношению к другому «предмету», именуемому *Лариса*, во втором — по своему внутреннему свойству. Во вставленном высказывании «предмет» *Лариса* характеризуется по внешнему свойству, относительно другого «предмета». Если бы последнее предложение шло непосредственно за первым, например *Евгений Петрович посмотрел на Ларису... Он почувствовал досаду* (в результате этого действия), то эти два отрезка рассматривались бы как самостоятельные высказывания, т. к. временной параметр в них неодинаков. Другими словами, единой синтаксической формы для высказывания как носителя опорной УСЕ не существует, критерии его вычленения из текста — сугубо смысловые.

Описанные выше ЭСЕ и УСЕ, получающие выражение в тексте через ПВ и высказывания (текстовые отрезки, содержащие как минимум два ПВ), могут рассматриваться и как единицы перевода, поскольку, как показывают исследования, несмотря на различия в использовании средств различных языков при построении текста одного содержания (сопоставлялись английский оригинал и русский перевод), разными языками продуцируются одни и те же информационные комплексы — сегменты отображения реальности, содержащиеся в тексте. Границами выражающих их текстовых отрезков являются указанные выше критерии, а не количество предложений (простых, придаточных или сложных) и не их синтаксическая организация.

Как показали исследования, для продуцирования сегмента отображения реальности в русском и английском языках используется довольно жесткий и ограниченный набор синтаксических структур, ограниченное количество их типов и сочетаний, а также ограниченное количество способов введения сегментов отображения реальности в текст. Хотя эти способы и варьируют в пределах каждого из сопоставляемых языков и не совпадают в некоторых конкретных случаях, в принципе обязательные наборы таких средств в этих языках оказываются одинаковыми. С другой стороны, языковые единицы сопоставляемых языков используются внутри этих наборов по-разному.

Национальная «специфика» того или иного языка заставляет отправителя выделять как существенные те или иные свойства отображаемого в разных языках по-разному, в зависимости от грамматического строя языка, системы его лексических единиц, культурных традиций носителей языка.

⁴ Иногда такие отрезки рассматривают как единое высказывание, именуемое «развитие с петлей» [см. 6].

ЭСЕ и УСЕ, иерархически входя одна в другую, образуют все более крупные сегменты отображения реальности, которые, в конечном счете, сводятся к двум смысловым компонентам, составляющим весь текст, — гипертеме и гиперреме. Оба эти компонента не обязательно содержатся в целых линейных отрезках текста (наоборот, крайне редко возможно разделить текст на две части так, чтобы одна из них составляла его гипертему, а другая — его гиперрему). Оба базовые компонента могут продуцироваться несколькими отрезками текста, не составляющими линейного целого, но объединенными логической связью. Эта связь может быть выражена формально, через языковые единицы, но может и просто вытекать из содержания УСЕ, содержащихся в этих отрезках.

Бывает также, что один из базовых компонентов (или даже оба) не имеет непосредственного выражения в тексте, а образуется благодаря логической связи между самыми крупными УСЕ, выделенными в тексте, причем связь устанавливается только на основе фонового знания реципиента. Например:

Сила привычки

1. Впервые за свою 540-летнюю историю аристократический колледж для мальчиков в английском городе Итоне нарушил традицию. Он принял на работу учительницу. 2. 27-летняя Элиан Вожель преподает французский язык. 3. Воспитанники колледжа от нее в восторге. Она тоже довольна ими. 4. Одно ее смущает. По привычке, обращаясь к ней, они говорят не «мисс» или «мадемуазель», а «сэр».

В этом тексте формально содержится 4 самых крупных УСЕ (УСЕ-1, УСЕ-2, УСЕ-3 и УСЕ-4). Информация УСЕ-1 может быть представлена как: «факт принятия на работу учительницы в мужской колледж в нарушение традиции». Информация УСЕ-2: «учительница успешно выполняет свои функции». Фоновое знание П позволяет ему сделать вывод, вытекающий из содержания этих УСЕ: «нарушение традиции в колледже привело к положительному результату». Этот вывод представляет собой УСЕ более высокого ранга иерархии УСЕ текста — его гипертему, причем УСЕ, не имеющую в тексте прямого выражения, т. к. причинно-следственная связь между УСЕ-1 и УСЕ-2 только имплицитруется. УСЕ-3 содержит информацию: «Учительница и ученики довольны друг другом». УСЕ-4 — «ее смущает, что к ней обращаются как к мужчине». Логическая связь между этими двумя УСЕ имплицитруется только социальным опытом П, на основе которого в его сознании возникает новая УСЕ, более высокого ранга, с кратким содержанием: «в работе учительницы есть курьезная сторона». Эта новая УСЕ — более высокого ранга, чем все УСЕ, представленные текстом. Она им только имплицитруется, полностью отсутствуя вербально. Эта имплицитруемая УСЕ и есть гиперрема текста. Между гипертемой и гиперремой устанавливается логическая связь (опять-таки, никак не представленная в тексте формально, а вытекающая из социального опыта П). Эта связь и создает самую крупную УСЕ — целый текст, краткое содержание которого, следовательно (по содержанию гипертемы и гиперремы), можно представить как: «в нарушение традиции колледж взял на работу учительницу, которая успешно выполняет свои функции; но в ее работе есть курьезная сторона».

Независимо от степени формальной выраженности или невыраженности в тексте базовых компонентов смысла, они являются неотъемлемыми составными компонентами смысловой структуры любого текста, образуя УСЕ самого высшего ранга иерархии. Содержащаяся в них информация может быть перефразирована, представлена в свернутом виде и в этом случае составляет краткое содержание текста (его реферат).

Смысловые единицы разных степеней сложности составляют строевые элементы текста. Однако смысл текста образует не только набор смысловых единиц, но и связи между ними. На основании анализа текстов разного содержания оказалось возможным выделить три типа внутритекстовых связей, объединяющих информацию текста в информационные комплексы, а информационные комплексы разной степени сложности — друг с другом.

Связь, которая объединяет информацию, соотносящую имя с «предметом» реальности в единый комплекс, продуцирующий сегмент отображения реальности, рассматривается как внутренняя связь. Это связь, в результате которой предметному имени, соотносимому с «предметом» реальности, приписывается некоторое свойство (даже если это свойство существования, сема бытийности). Эта связь получила название одинарной, т. к. через нее не устанавливается никаких связей именуемого «предмета» с другими, известными или неизвестными П. Такая связь объединяет в единый информационный комплекс текстовые отрезки типа *Он побледнел; Девочка гуляет*, если при этом из предыдущего контекста известны все необходимые параметры имени, представленного субститутами *он* или имени *девочка*.

В тексте этот вид связи представлен так называемой одинарной предикацией и выражается либо бытийным предложением (ЭСЕ), либо предложением с простым, составным именным или составным глагольным сказуемым, при котором возможен уточнитель, выраженный предметным именем, без его последующего упоминания в тексте.

Как отмечено выше, в текстовом отрезке, содержащем информационный комплекс, продуцирующий сегмент отображения реальности, при одинарной связи в качестве уточнителей свойства могут быть использованы предметные имена, не соотношенные с реальностью. Например, в текстовых отрезках *Он читает книгу; Она готовит обед* имена *книга* и *обед* рассматриваются только как уточнители свойств, приписываемых О «предметам», представленным здесь местоимениями *он, она*. Однако в отрезке *Он читает книгу, которую взял вчера в библиотеке* ситуация уже иная. Слово *книга* представлено далее субститутами *которая*. Кроме того, есть информация, необходимая для соотношения этого имени с «предметом» реальности. В этом случае имя *книга* рассматривается уже не как уточнитель, а как имя другого «предмета» реальности, отображенного в тексте. Следовательно, этот текстовый отрезок продуцирует уже не один, а два сегмента отображения реальности, т. е. содержит две смысловые единицы, связанные друг с другом так, что они взаимно характеризуют друг друга. В данном случае это взаимосвязь «каузатор — объект каузации». Это может быть и другая связь, любая из тех, которые обычно описывают через глубинные падежи (например, локатор и предмет локации и др.).

Такая связь, с одной стороны, является характеризующей, с другой стороны, она выходит за пределы одного информационного комплекса — сегмента отображения реальности, и объединяет смысловые единицы, характеризующие друг друга, в еще более крупные и усложненные смысловые единицы более высокого ранга. Такую связь, включающую единицы более низкого ранга в единицу более высокого ранга в качестве ее компонентов, взаимно характеризующих друг друга, мы называем внешней, групповой связью. Выражение этого вида связи в тексте получило название «групповой предикации». В тексте не обязательно присутствуют оба компонента групповой предикации. Один из них может имплицироваться контекстом, например, в случае использования пассивной конструкции: *Дом был построен в кратчайшие сроки* (кем-то, в зависимости от контекста).

К внешним связям между смысловыми единицами текста относятся также логические связи между информационными комплексами. Это известные логические отношения конъюнкции, дизъюнкции, импликации и тождества. Они объединяют смысловые группы в более крупные единицы более высокого ранга. При этом, как уже было показано выше, при анализе базовых компонентов текста логические связи могут быть непосредственно выражены языковыми средствами или же устанавливаться П на основе его социального опыта.

Между смысловыми единицами различной степени сложности, различных рангов в тексте устанавливаются как связь групповой предикации, так и разного рода логические связи. При этом одна и та же единица через оба вида связи может быть объединена с несколькими другими смысловыми единицами различных рангов. В этом случае можно говорить о зон-

тичной связи смысловой единицы с другими. Как правило, наличие зонтичной связи в модели смысловой структуры текста выделяет те смысловые единицы, которые принято называть «темой» текста. Имеется в виду тема не из дихотомии «тема—рема», а просто то, о чем в тексте идет речь. Если в тексте идет речь об одном «предмете», который на протяжении текста подвергается характеристике, в смысловой структуре текста имеется один зонтик. Но, как правило, таких зонтиков, свидетельствующих о наличии темы повествования, в тексте бывает несколько. В конечном итоге лучи зонтиков входят либо в гипертему текста, либо в его гиперрему. Если смысловая единица вступает в единичную связь с другой единицей и, образуя новую, более высокого ранга, только через нее имеет связь с гипертемой или гиперремой текста, можно говорить о наличии цепной внутритекстовой связи. Конфигурация зонтиков и цепочек смысловых единиц различных рангов иерархии при одинаковой внутренней структуре информационных комплексов, образующих узлы зонтиков и цепочек, является сугубо индивидуальной для каждого отдельного текста и воспроизводится без существенных изменений при переводе текста на другой язык.

Исследование содержательной структуры текста предложенным выше методом открывает множество разнообразных возможностей как для анализа самой структуры текста, так и для выявления языковых средств, ее формирующих. Содержательную структуру, представленную как результат использования языковых средств в процессе психической деятельности, можно рассматривать и вне связи с продуцирующими ее языковыми знаками: исследовать ее компоненты, их структуру и связи в текстах различных типов. В то же время появляется возможность исследовать те наборы языковых средств, которые необходимы для продуцирования отдельных компонентов содержательной структуры текста и для выражения связей между ними, опять-таки в текстах различных типов, жанров, стилей.

Помимо познавательной ценности подобного вида знания, оно имеет и прикладную ценность, ибо результаты таких исследований могут быть использованы при обучении чтению и пониманию текстов, при обучении иностранному языку и переводу, при реферировании. Особенно полезными подобного рода исследования представляются для теории перевода и практики его обучения, т. к. отделение смысловой структуры текста в виде символическо-графической модели от способов ее языкового выражения дает возможность изучать не только сходства и различия в использовании средств исходного и переводящего языков, но и сам объект перевода — содержание текста как таковое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981, с. 18.
2. Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970, с. 249.
3. Леонтьев А. А. Язык как социальное явление. К определению объекта языкознания. — ИАН СЛЯ, 1976, № 4.
4. Лосев А. Ф. Знак, символ, миф. М., 1982, с. 169—170.
5. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
6. Ванников Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979, с. 64.